

УДК 343.1

ЕЩЕ ОДНА РЕФОРМА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИЛИ ВОЗВРАТ НА КРУГИ СВОЯ?

А. Р. Белкин

*Московский государственный университет
приборостроения и информатики*

Поступила в редакцию 15 августа 2013 г.

Аннотация: *рассматриваются вопросы реформы уголовно-процессуального законодательства.*

Ключевые слова: *уголовный процесс, Уголовно-процессуальный кодекс РФ.*

Abstract: *the article examines reforms of Rules of Criminal Procedure.*

Key words: *criminal proceeding, Rules of Criminal Procedure of the Russian Federation.*

История изменений, вносимых в УПК РФ, изобилует примерами внесения неожиданных, странных, бессистемных и даже алогичных поправок, в дальнейшем исправляемых, в свою очередь, путем внесения «поправок на поправки» и т.д. *ad infinitum*¹.

Целый ряд радикальных поправок был внесен в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ.

Значительные изменения внесены указанным Законом в нормы, регламентирующие стадию возбуждения уголовного дела. В частности, новая редакция ч. 1 ст. 144 разрешает дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа при проверке сообщения о преступлении получать объяснения, причем эти объяснения (*полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения*), в силу новой ч. 1² той же статьи, *могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения положений ст. 75 и 89 УПК РФ.*

Это положение в принципе может быть истолковано как признание доказательственной силы объяснений, получение которых (в отличие от показаний, получение которых строго регламентировано) не обусловлено практически никакими ограничениями. С другой стороны, коль скоро объяснения получены вне допроса (и вообще вне какого-либо следственного действия), лицо, дающее такие объяснения, не несет ответственности за их заведомую ложность (тем более, за отказ их дать) – о какой допустимости таких «доказательств» вообще может идти речь?

---

¹ См. об этом: *Белкин А. Р. УПК РФ : нужны ли перемены? М., 2013.*

А. С. Александров и М. В. Лапатников видят в данной ситуации революционные изменения уголовно-процессуальной парадигмы и приветствуют их: «Распространение режима «доказательство» за пределы процессуального поля указывает на закладывание нового смысла устоявшихся понятий. Грань между процессуальной и непроцессуальной деятельностью практически стерта»². На наш взгляд, поводов для восторга пока немного – до введения в УПК РФ тщательно регламентированной процедуры получения объяснений (с соблюдением соответствующих гарантий и обеспечением необходимых условий допустимости и достоверности) уже внесенные поправки повисают в воздухе. Собственно, это косвенно признают и указанные авторы, открыто жалеющие «бедного правоприменителя, уже запутавшегося в хитросплетениях уголовной политики последних лет»³.

Другой новеллой, внесенной Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ, является расширение списка следственных действий, дозволенных к производству до возбуждения уголовного дела, – к осмотру места происшествия, осмотру трупа и освидетельствованию добавлены осмотр предметов и документов, назначение и производство судебной экспертизы (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Добавлены также и иные, неследственные действия, в частности получение образцов для сравнительного исследования, а также истребование и изъятие предметов и документов. Одобрив эти нововведения в целом, нельзя не отметить немалые шероховатости в формулировках вынесенных поправок, чреватые серьезными проблемами в последующем правоприменении.

Назначение и производство экспертизы до возбуждения уголовного дела – идея, имеющая давнюю историю. Инициаторы постановки указанного вопроса (Я. П. Нагнойный, 1967; Р. С. Белкин, 1969; Х. А. Рооп, 1971 и др.), исходя из реальностей следственной практики, предлагали разрешить по закону наряду с осмотром места происшествия при необходимости или в определенных случаях производство экспертиз в стадии возбуждения дела⁴. Преимущества такого подхода для обоснованного реше-

² Александров А. С., Лапатников М. В. Старые проблемы доказательственного права в новой уголовно-процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юрид. наука и практика. Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2013. № 22. С. 23–28.

³ Там же.

⁴ См., например: *Нагнойный Я. П.* О возможности назначения судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела // *Криминалистика и судебная экспертиза*. Киев, 1967. Вып. 4; *Белкин Р. С.* Методологические основы предварительного следствия // *Руководство для следователей*. М., 1971; *Жогин Н. В.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965; *Рооп Х. А.* О соотношении судебной экспертизы и возбуждения уголовного дела // *Процессуальные и методические вопросы судебной экспертизы*. Таллин, 1981; *Росинская Е. Р.* О доказательственном значении результатов комплексного исследования вещественных доказательств // *Проблемы уголовного процесса и криминалистики*. М., 1982.

ния вопроса о возбуждении уголовного дела и исключения дублирования в экспертных исследованиях нами были подробно проанализированы⁵.

Данные предложения восприняты законодателем, однако конкретная их реализация отнюдь не безупречна. Так, ч. 1 ст. 144 УПК РФ теперь наделяет дознавателя, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа *получать заключение эксперта в разумный срок*, что выглядит ничем не подкрепленной декларацией. Это полномочие можно понять и как право следователя, дознавателя *поторопить эксперта*, чтобы он уложился в этот *разумный срок*. Однако срок производства экспертизы определяется не только требованиями УПК РФ – экспертные исследования могут объективно требовать значительного времени по чисто технологическим причинам⁶. Кроме того, ст. 6¹ УПК РФ, определяя понятие разумного срока, не затрагивает проверки, проводимой до возбуждения уголовного дела, ограничиваясь лишь последующими стадиями уголовного процесса. Продолжительность самой проверки ограничена не расплывчатым *разумным сроком*, а вполне конкретными сроками, указанными в ч. 1 и 3 ст. 144 УПК РФ.

Далее, производство судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы может потребовать помещения конкретного лица в медицинский или психиатрический стационар, однако п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ допускает подобное лишь в отношении подозреваемого или обвиняемого (которых до возбуждения уголовного дела просто нет), да еще только по решению суда (что тоже невозможно до возбуждения уголовного дела). Никаких поправок в ст. 29 УПК РФ Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ не внес.

Отметим еще и то, что при назначении экспертизы подозреваемый и обвиняемый наделены немалыми правами, включая право заявлять отвод эксперту, ходатайствовать о постановке дополнительных вопросов и др. (ст. 198 УПК РФ). Аналогичными правами (хотя и в несколько меньшем объеме) обладает потерпевший, а также свидетель. Однако при назначении экспертизы до возбуждения уголовного дела ничего подобного новая редакция ст. 144 УПК РФ не предусматривает, не были внесены поправки и в ст. 198. Полагаем, вряд ли это правильно. Более того, после производства экспертизы подозреваемый (обвиняемый) имеет право ознакомиться с заключением эксперта – такого права лицам, в отношении которых экспертиза была назначена и проведена до возбуждения уголовного дела, закон не предоставил. В то же время для такого корреспондирующего производству экспертизы действия, как получение образцов для сравнительного исследования, новая редакция ст. 202 УПК РФ достаточно корректно оговаривает возможность его производства в отношении данных лиц.

---

⁵ См.: Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. § 7.1.1.

⁶ Неплохо бы также учесть, что экспертная организация обычно в достаточной степени загружена требованиями о производстве экспертиз, поэтому реально может иметь место и очередь из таких требований.

Наконец отметим еще одну странную формулировку, включенную в новую ч. 1² ст. 144 УПК: *Если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению.* Значит ли это, что удовлетворено должно быть *любое* подобное ходатайство, даже без выяснения его обоснованности? Если в отношении дополнительной экспертизы это еще можно как-то понять и объяснить тем, что после возбуждения уголовного дела указанные участники обретают процессуальный статус, а с ним – и упомянутые выше возможности ходатайствовать о постановке дополнительных вопросов (хотя УПК РФ вовсе не говорит, что такие ходатайства должны быть непременно удовлетворены), то возможность *безусловно* потребовать производства повторной экспертизы фактически сводит на нет все преимущества производства экспертизы до возбуждения уголовного дела и может привести все к тому же дублированию экспертных исследований, от которого так хотели уйти процессуалисты и специалисты в области судебной экспертизы.

Кстати, почему только стороной защиты и потерпевшим? А гражданский истец не должен иметь такого права?

Упомянем еще об одной не вполне понятной формулировке, вкрапшейся после вступления в силу рассматриваемого Федерального закона в текущую редакцию все той же ч. 1 ст. 144 УПК РФ, – законодатель теперь разрешает дознавателю, следователю и т.д. не только *истребовать документы и предметы*, но и *изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом.* Однако такого самостоятельного действия, как изъятие, УПК РФ не упоминает и не предусматривает – изъятие возможно (как уже отмечалось выше) в ходе производства осмотра места происшествия, обыска или выемки⁷.

Осмотр места происшествия закон разрешает производить и до возбуждения уголовного дела, а вот обыск и выемку – нет; однако в тексте ч. 1 ст. 144 УПК РФ нет указания на то, что упомянутое изъятие относится только к производимому осмотру. Обращая внимание на это обстоятельство, А. С. Александров и М. В. Лапатников задаются вопросом: «Значит ли это, что законодателем разрешено проводить обыск и выемку? Или только выемку, но не обыск? А быть может, имеется в виду новое проверочное действие – изъятие?»⁸. Думается, что ответ прост: нет, не значит, налицо еще одно проявление бессистемного подхода к внесению поправок в ткань Закона. Однако с общим выводом указанных авторов – формулировка явно нуждается в уточнении – невозможно не согласиться.

Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ дополнил ст. 144 УПК РФ новой частью 1¹, согласно которой *лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступ-*

⁷ Изъятие возможно и при наложении ареста на имущество, но применение этой меры заведомо невозможно до возбуждения уголовного дела.

⁸ Александров А. С., Лапатников М. В. Указ. соч.

лении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом. Какие же конкретно эти права и обязанности? Никакого процессуального статуса у данных лиц пока нет, поскольку уголовное дело еще не возбуждено⁹, так что и права, и обязанности их в УПК РФ в явном виде до принятия данного Федерального закона не были прописаны. В новой ч. 1¹ ст. 144 упоминается лишь о том, что они могут быть предупреждены о неразглашении данных досудебного производства в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ, никаких других обязанностей указанный Федеральный закон не упоминает.

Что касается прав, то отдельно упомянуто право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, что тоже выглядит несколько странно. Действительно, если под словом *свидетельствовать* понимать здесь *давать показания*, то до возбуждения уголовного дела это невозможно в принципе, ибо допрос кого бы то ни было пока произведен быть не может¹⁰. Если же *свидетельствовать* в данном контексте означает *давать объяснения*, то специальное упоминание права *не свидетельствовать* против кого бы то ни было излишне, ибо дачу объяснений УПК РФ не рассматривает как чью-либо обязанность, упоминая ее как важное право участника процесса, так что любое из указанных лиц имеет гораздо более общее право не давать никаких объяснений вообще. Кстати, об этом праве следовало бы упомянуть в новой редакции ст. 144 УПК РФ, вменив в обязанность лицам, производящим проверку, при получении объяснений от кого бы то ни было это право ему и разъяснять.

Важными представляются знаковые поправки, внесенные Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в институт участия понятых в уголовном процессе.

Задавшись вопросом в одной из своих работ, приносит ли пользу институт понятых, Р. С. Белкин полагает, что «добросовестным, профессиональным и взвешенным может быть только отрицательный ответ»¹¹. Однако О. Я. Баев, сторонник привлечения понятых, приветствует сохранение данного института в новом УПК: «Мы ... с удовлетворением отмечаем,

---

⁹ Строго говоря, некими правами до возбуждения уголовного дела УПК РФ наделяет разве что заявителя.

¹⁰ Мы неоднократно поднимали вопрос о том, что определение показаний, данное в УПК РФ, не соответствует реальному содержанию этого понятия в принципе, показания могут быть даны и в ходе иных следственных действий, помимо допроса (см., например: *Белкин А. Р.* Показания могут быть получены и вне допроса // *Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти проф. П. А. Лупинской.* М., 2011. С. 346–350; *Его же.* УПК РФ: нужны ли перемены? 2013. С. 242–245). В свете этого мы могли бы допустить получение показаний, скажем, в ходе осмотра места происшествия; однако УПК РФ по-прежнему определяет показания как сведения, полученные на допросе, стало быть, до возбуждения уголовного дела их вообще быть не может.

¹¹ *Белкин Р. С.* Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 211.

что УПК предусмотрел необходимость привлечения понятых к достаточно широкому кругу следственных действий»¹².

Практически важный вопрос о необходимости сохранения в уголовном судопроизводстве института понятых вызывал и вызывает в настоящее время большие споры. По мнению многих ученых, это просто анахронизм. Соглашаясь в целом с подобной точкой зрения, мы также подчеркиваем, что «привлечение понятых целесообразно лишь при производстве обыска и не столько для охраны закона от следователя, сколько для охраны самого следователя от возможных впоследствии клеветнических заявлений обыскиваемого»¹³.

В то же время нельзя не отметить, что кардинальное реформирование института участия понятых требовало, во-первых, предварительной ревизии и уточнения норм, определяющих процессуальный статус, права и обязанности понятого, требования к понятым, особенности участия понятых в доказывании¹⁴; во-вторых, учета изменившейся обстановки и настроений в обществе. Следует с сожалением признать, что доверие общества к сотрудникам правоохранительных органов, их профессионализму, добросовестности и даже добропорядочности существенно подорвано. В свете этого момент для проведения столь массового секвестра института участия понятых, худо-бедно позволявшего хоть как-то контролировать производство следственных действий и исключать хотя бы явные ошибки и злоупотребления, законодателем выбран откровенно неудачно.

Итак, Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ единым махом исключил обязательное участие понятых при производстве наложения ареста на имущество, осмотра, осмотра и эксгумации трупа, следственного эксперимента и выемки (соответственно ст. 115, 177, 178, 181, 183 УПК РФ), а также осмотра, выемки и копирования задержанных почтово-телеграфных отправлений (ч. 5 ст. 185), осмотра и прослушивания фонограмм телефонных и иных переговоров (ч. 7 ст. 186) и проверки показаний на месте (ст. 194). Обязательность участия понятых сохранена лишь при производстве обыска, личного обыска, предъявления для опознания (соответственно ст. 182, 184, 193 УПК РФ) и копирования изымаемых при выемке электронных носителей информации (ч. 3¹ ст. 183 УПК РФ), в остальных упомянутых случаях, в силу новой ч. 1¹ ст. 170 УПК РФ отныне требуется лишь обязательное *применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия*. Да и то эта обязательность – чистая фикция, ибо далее там же уточняется: *если в ходе следственного действия применение технических средств*

¹² Баев О. Я. Новации норм доказательственного права в УПК РФ 2001 г. и проблемы их реализации // Материалы Междунар. науч. конф. «50 лет в криминалистике : к 80-летию со дня рождения Р. С. Белкина». Воронеж, 2002. С. 33.

¹³ Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 454.

¹⁴ См.: Белкин А. Р. Участие понятых – анахронизм или необходимость? // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. М., 2010. Вып. 6. С. 11–19; Его же. УПК РФ : нужны ли перемены? С. 199–202.

невозможно, то следователь делает в протоколе соответствующую запись.

Что значит – невозможно? Допустим, в распоряжении дознавателя нет видеокамеры – означает ли это, что он с чистой совестью ничего не фиксирует? Может быть, хотя бы на такой случай следовало бы вместо формальной протокольной отписки требовать все же обязательного участия понятых? И каких, кстати, средств? Аудиозапись – тоже техническое средство фиксации, но что проку от такого средства при том же *осмотре*?

Отметим еще один важный момент, проигнорированный при поспешном, бессистемном реформировании института участия понятых в уголовном процессе и особенно актуальный именно при производстве осмотра, где теперь участие понятых вовсе не обязательно. Часть 4 ст. 177 УПК РФ ранее предусматривала, что *всё обнаруженное и изъятое при осмотре должно быть предъявлено понятым*, причем эта норма традиционно толковалась в том смысле, что понятые должны видеть не только сам предмет или документ, но и место, где он был найден или откуда извлечен, фиксируя тем самым не только результат, но и сам процесс обнаружения. В дальнейшем понятой может быть допрошен об обстоятельствах обнаружения того или иного предмета (документа). Известны далеко не единичные случаи, когда в ходе предварительного слушания защитник за счет точно сформулированных вопросов допрашиваемому понятому добивался установления судом того факта, что понятой не видел обстоятельств обнаружения предъявленного ему предмета, якобы найденного при осмотре или обыске, и исключения соответствующего протокола (или его части) как недопустимого доказательства.

Обязанности запечатлеть все обнаруженное (включая подробности обнаружения) средствами технической фиксации УПК РФ не предусматривает. Технический ассистент, непосредственно осуществляющий процесс такой фиксации, отдельного процессуального статуса не имеет, последующий допрос его в суде явно не предусмотрен. Но если и допустить вызов такого ассистента в суд, допрос его (например, как свидетеля) ничего не дает – даже если выяснится, что какие-то подробности осмотра им почему-либо не зафиксированы, это не влечет никаких процессуальных последствий, ибо УПК РФ таковых и не предусматривает. Тем самым создана возможность для нарушения процессуальной формы и даже явных злоупотреблений. Правда, рассматриваемый Федеральный закон предусматривает также изменение санкции ч. 2 ст. 303 УК РФ, увеличив срок лишения свободы с трех до пяти лет за фальсификацию доказательств по уголовному делу; но достаточность такой меры для предупреждения злоупотреблений неоспорна.

Еще одно важное нововведение Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ – дополнение УПК РФ главой 32¹ «Дознание в сокращенной форме».

Разумное упрощение процессуальной формы выглядит весьма перспективным, хотя до появления конкретных практических результатов применения нового института сокращенного дознания давать какие-либо

оценки явно преждевременно; однако ознакомление с текстом новой главы УПК РФ позволяет высказать ряд соображений.

Пункт 1 ч. 2 ст. 226¹ УПК РФ допускает производство сокращенного дознания только *на основании ходатайства подозреваемого* и только в случае, когда *уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица*. Если первое выглядит естественно, то второе представляется неоправданным сужением сферы действия нового института. На наш взгляд, вполне допустимой должна считаться ситуация, когда дело возбуждено по факту совершения преступления, а подозреваемый, появившийся в деле позже, ходатайствует о переходе к сокращенной форме дознания. В связи с этим отметим, что нечто подобное в главе 32¹ уже есть: подозреваемый вправе ходатайствовать о переходе к сокращенной форме дознания в течение двух суток после разъяснения ему соответствующего права (ч. 2 ст. 226⁴ УПК РФ), следовательно, до этого дознание идет в обычной форме, и переход от обычной формы к сокращенной уже признан законодателем возможным.

Часть 1 ст. 226² УПК РФ допускает производство сокращенного дознания исключительно с согласия потерпевшего. С учетом того что последующее судебное производство протекает в порядке ст. 316–317, это вполне естественно¹⁵. Часть 2 ст. 226³ ускоряет и упрощает процедуру признания потерпевшим – это также следует отметить. В то же время обязанность дознавателя уведомить потерпевшего о поступлении ходатайства подозреваемого о производстве сокращенного дознания в главе 32¹ не предусмотрена, что представляется упущением.

Срок сокращенного дознания установлен ч. 1 ст. 226⁶ в 15 суток, с возможностью его продления до 20 суток (ч. 2 той же статьи). При этом в течение первых 10 суток необходимо составить обвинительное постановление и не позднее трех суток после этого предъявить для ознакомления обвиняемому вместе с материалами законченного дознания (ч. 3–4 ст. 226⁷ УПК РФ). Итак, для ознакомления с материалами у обвиняемого остается от двух до семи дней, а если этого времени ему окажется недостаточно, дознание продолжается в общем порядке (ч. 5 той же статьи). Таким образом, обвиняемый теряет (причем, возможно, не по своей вине) преимущества, предоставляемые ему данной формой дознания, что вряд ли правильно. То же имеет место и в том случае, когда обвиняемый, ознакомившись с материалами дела, подает обоснованное ходатайство о признании какого-либо доказательства недопустимым либо о дополнительном производстве необходимых следственных действий – ходатайство удовлетворено, но дознавателю не хватает времени для исправления его же оплошностей и недоработок, поэтому дознание воз-

---

¹⁵ Представляется, что и заключение досудебного соглашения со следствием также должно допускаться только с согласия потерпевшего, хотя это и не бесспорно (см.: Белкин А. Р. Досудебное соглашение о сотрудничестве нуждается в коррективах // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы) : материалы науч.-практ. конф. Воронеж, 2010. Вып. 6. С. 73–84).

вращается к общей форме (ч. 9 той же статьи), а обвиняемый не по своей вине теряет обещанные ему льготы. Судя по всему, ст. 226⁷ УПК РФ нуждается в доработке.

Аналогичная ситуация может возникнуть и при возвращении дела дознавателю в порядке п. 3 ч. 1 ст. 226⁸. Подпункт «б» допускает такую возможность, в частности при нарушении дознавателем прав самого обвиняемого, однако далее дознание продолжается в общем порядке, что вновь ущемляет его права.

Наконец, глава 32¹ ничего не говорит о возможности приостановления дознания, производимого в сокращенной форме (например, в связи с заболеванием подозреваемого). В то же время прямое применение соответствующих норм главы 32 для сокращенного дознания вряд ли возможно, поэтому вопрос о приостановлении сокращенного дознания остается открытым.

Таким образом, оценивая в целом позитивно введенный в уголовно-процессуальное законодательство институт сокращенного дознания, нельзя не отметить и некоторых его шероховатостей, порой значительных. Окончательная оценка может быть дана практикой.

Итак, обзор и беглый анализ ряда важнейших поправок, внесенных в УПК РФ всего одним Федеральным законом, позволяет отметить два момента: во-первых, многие из них (увы, отнюдь не все) выглядят разумным усовершенствованием закона, причем в целом ряде случаев налицо возврат к былым нормам и принципам, выброшенным на обочину уголовно-процессуального законодательства в ходе его поспешного и непродуманного реформирования; во-вторых, данные поправки почти всегда половинчаты, непоследовательны, что заставляет вновь говорить о бессистемности процесса их внесения. Первое можно осторожно приветствовать, о втором – разве что сожалеть.

Московский государственный университет приборостроения и информатики

Белкин А. Р., доктор юридических наук, профессор

E-mail: anatbel@yandex.ru

Tel.: 8-495-265-32-68

Moscow State University of Instrument Engineering and Informatics

Belkin A. R., Doctor of Legal Sciences, Professor

E-mail: anatbel@yandex.ru

Tel.: 8-495-265-32-68